

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-3-27

С.Ю. Агишев

ЗАВЕЩАНИЕ КОРОЛЯ СВЕРРИРА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В НОРВЕГИИ НА РУБЕЖЕ XII–XIII вв.

S.Yu. Agishev

KING SVERRE'S TESTAMENT AND POLITICAL STRUGGLE IN NORWAY AT THE TURN OF THE 12th AND 13th CENTURIES

Аннотация. Статья посвящена политическому завещанию норвежского короля Сверрира (1177–1202), которое он, находясь на смертном одре, оставил своему сыну и преемнику Хакону Сверрессону в «грамоте об управлении государством». Хотя упомянутый документ не сохранился и о его содержании неизвестно ни из одного источника, в литературе традиционно считается, что главное наставление наследнику заключалось в немедленном и безоговорочном примирении королевской власти и церкви, находившихся в острой конфронтации еще с 1130 г. По мнению большинства исследователей, Хакон выполнил завещание отца, что отразилось в его капитулянтском письме к норвежским прелатам. Однако анализ этого письма в тесной связи с другими документами, в которых имеются сведения о событиях того времени, показал, что ни Сверрир, ни его сын не собирались сдавать своих позиций перед епископатом. Напротив, они настаивали на том, чтобы все общественные и политические силы признали их законными правителями Норвегии, а также согласились с полным внутренним и внешним суверенитетом королевской власти. Установлена тесная связь между письмом Хакона к прелатам и «Речью против епископов», составленной в последние годы правления Сверрира, которая стала единственным авторитетным текстом как для самого королевского послания, так и для фракции «королевской партии», стоявшей за его наследником. «Грамота об управлении государством» фактически устанавливала права Хакона Сверрессона на Норвегию как на неотчуждаемое у него наследство (одадь), а за общими благопожеланиями внутреннего мира скрывались конфронтационные по сути предложения. Впервые делается вывод, что акции, предпринимаемые

Агишев Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Agishev Sergey Yur'evich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History of the Middle Ages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
agisjev@mail.ru

ORCID: 0009-0007-0709-4862

как «церковной», так и «королевской» партий в 1202–1204 гг., заложили не основы последующего слияния этих группировок, как это представляла предыдущая исследовательская традиция, а, напротив, обострили борьбу и между ними, и между фракциями в их составе.

Ключевые слова: средневековая Норвегия, Иннокентий III, Сверрир, Хакон Сверрессон, норвежская церковь, «Речь против епископов».

Abstract. The article examines the political will of the Norwegian king Sverrir (1177–1202), given by him, on his deathbed, to his son and successor Hakon Sverresson in the “charter on state governance”. Although this document has not survived and its content is unknown from any source, it is traditionally believed in the literature that the main instruction to the heir consisted in the immediate and unconditional reconciliation of the royal power and the church, which had been in acute confrontation since 1130. According to most scholars, Hakon fulfilled his father’s will, which is reflected in his capitulation letter to the Norwegian prelates. However, the analysis of this letter in close connection with other documents, which contain information about the events of that time, showed that neither Sverrir nor his son were going to surrender their positions before the episcopate. On the contrary, they insisted that all social and political forces should recognize them as the legitimate rulers of Norway, and accept the full internal and external sovereignty of the royal power. The author proves a close connection between Hakon’s letter to the prelates and the “Speech against the Bishops” (*En tale mot biskopene*), composed in the last years of Sverrir’s reign. The latter became the only authoritative text for both the royal epistle itself and the faction of the “royal party” behind his successor. The “charter on state governance” actually established Hakon Sverresson’s rights to Norway as an inalienable inheritance (*odal*), and the general wishes for domestic peace concealed essentially confrontational proposals. The author concludes that the actions taken by both the “ecclesiastical” and “royal” parties in 1202–1204 did not lay the foundations for the subsequent merger of these groups, as the previous research tradition argued, but, on the contrary, aggravated the struggle between them and between the factions within them.

Keywords: medieval Norway, Sverrir, Hakon Sverresson, Innocent III, Norwegian church, “Speech against bishops”.

* * *

Наиболее острая фаза «эпохи гражданских войн» в Норвегии (1130–1240) совпала со временем правления короля-самозванца Сверрира (1177–1202). За три дня до своей смерти, 6 марта 1202 г., этот конунг, находясь в Бергене, велел зачитать (*lét upplesa*) приближенным так называемую «грамоту об управлении государством» (*bréf um skipan rikisins*)¹. Хотя сам документ не сохранился и о его содержании не известно из других источников, в историографии утвердилась следующая точка зрения: Сверрир повелел своему неза-

---

¹ Сага о Сверрире / Изд. подготовили М.И. Стеблин-Каменский, А.Я. Гуревич, Е.А. Гуревич, О.А. Смирницкая. М., 1988. С. 182.

коннорожденному 17-летнему сыну Хакону (1202–1203), которого он назвал своим единственным наследником, непременно примириться с церковью (король находился с ней в раздоре относительно объема имущественных прав и свободы выборов епископов), что тот сразу же и исполнил². В это время глава норвежской церкви архиепископ Нидаросский Эйрик Иварссон (1188–1213) пребывал в добровольном изгнании в датском Лунде, находясь там еще с 1191 г. Епископ Ставангерский Ньяль (1190–1207), Хамарский Торир (1190–1196), Бергенский Мартин (1194–1216) и предстоятель на кафедре Осло Николас (1190–1225) в течение нескольких лет, начиная с 1195 г., покидали Норвегию, и в 1199 г., наконец, воссоединились со своим митрополитом. Помимо внутренних разногласий достижению примирения препятствовало то, что еще 6 октября 1198 г. папа римский Иннокентий III (1198–1216) в своей булле объявил Норвегии интердикт, а тогдашнего ее короля и верных ему людей, в число которых входил и Хакон, предал анафеме³.

Текст, называющий себя «Сагами о посошниках»⁴ и дающий представление о дальнейшем развитии событий, сообщает, что Хакон, который находился в Трондхейме (Нидаросе), услышал весть о кончине отца из уст прибывшего к нему из Бергена посланника в тот момент, когда другим гонцом ему была доставлена «грамота об управлении государством». Юный король тут же отправился в Берген, куда прибыл 14 апреля. Похоронив родителя, Хакон стал направлять норвежским епископам послания (*sendi orð*), где требовал от прелатов явиться к нему на встречу (*þeir kæmi á hans fund*). Выражение *sendi orð*, используемое обычно для обозначения рассылки так называемой «ратной стрелы», получение которой предполагало непременно явку на собрание-тинг в определенное место и время,

---

² См.: Munch P.A. Det norske Folks Historie. Bd. VII. Oslo, 1943. S. 361, 395–398 (Serie C: Norske historikere. Nr. 7); Sars J.E. Udsigt over den norske historie. D. 2. Christiania, 1877. S. 180; Bugge A. Tidsrummet 1103–1319. Kristiania, 1916. S. 198, 210, 213–214, 233, 237–238, 242–243 (Norges historie fremstillet for det norske folk. Bd. II.2); Paasche F. Kong Sverre. Kristiania, 1920. S. 182–183, 278–279; Helle K. Norge blir en stat 1130–1319. Oslo, 1964. S. 65–66 (Handbok i Norges historie. Bd. I. Del 3. Scandinavian University Books); Сага о Сверрире. С. 267; Helle K. Borgerkrigenes siste fase // Aschehougs Norgeshistorie. Bd. 3. Oslo, 1995. S. 70; Bagge S. Den heroiske tid- kirkereform og kirkekamp // Ecclesia Nidrosiensis: Søkelys på Nidaroskirkens og Nidarosprovinsens historie / Red. S. Imsen. Trondheim, 2003. S. 69 (Senter for middelalder studier, NTNU, Skrifter Nr. 15); Krag C. Sverre — Norges største middelalderkonge. Oslo, 2005. S. 209–210.

³ DN VI 6 — Diplomatarium Norvegicum / Utg. C.R.Unger, H.J. Huitfeldt. Bd. VI, halvdel 1. Christiania, 1865. S. 9–12.

⁴ Саги о Посошниках // Исландские саги / Пер. прозаич. текста с древнеисл. и общ. ред. А.В. Циммерлинга. М., 2000. С. 273–305, 389–406; Bøglunga saga // Hákonar saga Hákonarsonar I. Bøglunga saga / Utg. Þorleifur Hauksson, Sverrir Jakobsson, T. Ulset. Reykjavík, 2013. Bls. 3–167 (Íslenzk Fornrit, XXXI)

вполне может говорить об императивном, а не просительном характере этих писем.

Нигде не сообщается, что «грамоту об управлении государством» зачитывали вслух. Со ссылкой на волю почившего государя ее положения вписывали в персональные письма, которые затем от имени Хакона направлялись каждому норвежскому епископу по отдельности. В литературе считается, что таким образом новый конунг и выполнил завет отца, результатом чего стало еще одно послание Хакона Сверрессона, адресованное отдельно архиепископу Эйрику и его суффраганам вместе взятым. Собственно говоря, этот документ и рассматривается учеными в качестве акта официального примирения между королем и церковью⁵. *Datum* там отсутствует, а годом его издания обычно указывают 1202-й. Там, как и во всех прочих имеющихся источниках, ничего не говорится о том, что примирительный съезд, на который Хакон требовал явиться прелатов, действительно состоялся. Однако «Саги о посошниках» сразу за сообщением о приглашении на это собрание повествуют, что епископы тут же заключили с ним договор (*gerði sætt við hann*), «как повелел (*hafði ráð til gefit*) конунг Сверрир перед своей кончиной»⁶.

Представляется, что бытующее до сих пор мнение о содержании последней воли Сверрира покоится на ретроспективном перенесении на более ранние события выводов об итогах позднейших договоренностей между королевской властью и церковью, достигнутых ими в результате растянувшихся во времени переговоров и закончившихся лишь заключением конкордатов в Бергене (1273) и Тёнсберге (1277). Это привело к тому, что политическое завещание Сверрира истолковывалось, исходя не из современного ему исторического контекста, а телеологически. Если принять устоявшуюся в историографии точку зрения, то сложно объяснить, почему внутренний мир, утверждению которого должно было способствовать исполнение Хаконем капитулянтского волеизъявления его родителя, на самом деле так и не случился. Наоборот, он оказался отложен на несколько десятилетий, а обсуждение основ, на которых должны были покоиться отношения светской и духовной власти, происходило в напряженных дискуссиях. «Гражданские войны», завершившиеся подавлением мятежа ярла Скули (1237–1240), оставили эти споры в наследство «эпохе величия» (1240–1319), и с середины 1250-х гг. градус полемики вновь стал повышаться. Отношения же, складывавшиеся между различными группировками норвежской светской

⁵ Norges gamle Love indtil 1387 (далее — NgL) / Utg. P.A. Munch, R. Keyser. Bd. I. Christiania, 1846. S. 444–445.

⁶ Русский перевод, имеющийся в издании «Саг о посошниках», неточен.

и церковной элит в начале XIII в., не привели ни к их слиянию, ни к примирению. А именно это в науке долгое время было принято считать основным направлением политического развития Норвегии всей первой половины XIII в. Напротив, маховик гражданской войны вплоть до конца 1230-х гг. периодически набирал обороты, причем настолько, что это повлияло на развитие сходных процессов в тесно связанной с Норвегией Исландии. Борьба различных социальных группировок, стоявших за королевской и епископской «партиями», активно продолжалась и после гражданских войн, которые постигли обе этих страны⁷.

На выдвигаемую здесь гипотезу об ином содержании политического завещания Сверрира можно возразить, что Хакон Сверрессон, умерший в Бергене 1 января 1204 г., вероятно, от руки отравителя, подосланного к нему на рождественском пиру его мачехой и законной супругой покойного конунга королевой Маргаритой (ум. 1209), попросту не успел ни приобрести достаточный политический вес, ни предпринять конкретных действий, которые бы привели к столь желанному всем норвежцам миру. Следует обратить внимание, что «грамота об управлении государством» была оглашена Сверриром *перед* тем, как ее скрепили печатью и отправили Хакону в Трондхейм. Значит, ее содержание было хорошо известно, а после заверения она стала официальным документом, и спорить здесь не о чем. Формально — это вполне резонные доводы, если только хотя бы в обстоятельствах смерти Хакона не видеть наличия в рядах «королевской партии» берестяников внутренней фракционной борьбы и не стараться понять, какие цели преследовала каждая из группировок, что является предметом отдельного исследования.

Сам молодой конунг, при жизни отца пользовавшийся его полным доверием, что в том числе и сподвигло Сверрира объявить его своим единственным наследником, после смерти родителя оказался под влиянием той фракции берестяников⁸, что была совершенно непримиримо настроена к враждебной им «церковной партии» по-

---

⁷ См.: *Стурла Тордарсон. Сага об Исландцах* / Пер. с древнеисл., общ. ред., вступ. ст. и коммент. А.В. Циммерлинга. СПб., 2007; *Arna saga biskups* / Utg. Þorleifur Hauksson. Reykjavík, 1972. Участники международного проекта “The Nordic ‘Civil Wars’ in the High Middle Ages in a Comparative Perspective” рассматривают гражданские войны европейского Севера как региональные, а не национальные конфликты, порожденные столкновением интересов различных элит, что верно лишь отчасти, поскольку подобный взгляд элиминирует глубинные социальные противоречия и их особенности, имевшиеся в каждом обществе. См.: *Medieval and Modern Civil Wars: A Comparative Perspective* / Ed. Jón Viðar Sigurðsson, H.J. Orning. Boston, 2021.

⁸ Ее главами были племянник Сверрира ярл Хакон Шальной, канцлер Ивар Жучок, а также главы Фростатинга и Гулатинга, двух важнейших в Норвегии областных судебных собраний, Гуннар Волосатый Зад и Дагфинн Бонд.

сошников, фактически возглавляемой епископом Осло Николасом. Ввиду этого магнаты, возможно, принудили Хакона Сверрессона или замолчать распоряжение его отца о примирении с прелатами, если таковое тем в действительности было отдано, или занять иную, более жесткую, позицию в продолжавшемся противостоянии, или же дезавуировать отданное Сверриром приказание⁹. Всем этим и можно объяснить исчезновение «грамоты об управлении государством». Очевидно, что насильственная смерть лишь входившего в совершенные лета короля была одним из результатов борьбы в среде берестяников. Так, королева Маргарита просватала их общую со Сверриром дочь Кристин за Филиппа, родного племянника епископа Николаса¹⁰. Что это? Проявление ренегатства, или один из способов выполнить завещание покойного супруга и вроде как вернуться на избранный им путь диалога с церковью, после того как с него в угоду своим присным свернул ее пасынок? Но ни данная попытка укрепить союз партий, ни их сговор на острове Квитсей в 1209 г. не привели к угасанию гражданской войны.

Уверенно можно констатировать лишь то, что с уходом Хакона из жизни борьба внутри «партий» разгорелась с новой силой. Дополнительным доказательством раскола, существовавшего среди берестяников, является то, что различные их группировки, не считаясь ни с традиционной формулой перехода власти от конунга только к сыну конунга, ни с принятым в 1164 г. законом о престолонаследии, вдохновленном церковью¹¹, выдвигали всё новых и новых претендентов на норвежский трон, как из числа королевских отпрысков, так и самозванцев, привлекая при этом на свою сторону отдельных сторонников враждебных им посошников, чьи ряды также не отличались единством¹². Представители «светской фракции»

---

⁹ Krag C. Op. cit. S. 209.

¹⁰ Хакон Шальной не раз напоминал Кристин, которая под влиянием матери обрела собственные амбиции, что все они сидят на не отторгаемом наследственном владении, одале (!), сына покойного Хакона Сверрессона, который впоследствии станет известен под именем короля Хакона Старого (*Sturla Þorðarsson. Hákonar saga // Hákonar saga Hákonarsonar I. Vöglunga saga*. Bls. 179, 183).

¹¹ Den eldre Gulatingslova / Utg. B. Eithun, M. Rindal, T. Ulset. Oslo, 1994. S. 32.

¹² Среди тех, кто в начале XIII в. оказался королем Норвегии, а также боролся или, по крайней мере, претендовал на этот высокий сан, можно назвать: 1) конунга Гутхорма (1204) — пятилетнего внука Сверрира, отпрыска его старшего сына Сигурда Лаварда (ум. 1200), взошедшего на престол и внезапно скончавшегося в один год; 2) другого его внука Хакона Хаконарсона Старого (1217–1263) — короля, впоследствии долгие годы правившего Норвегией; он появился на свет в 1204 г. и был единственным и незаконнорожденным сыном Хакона Сверрессона, который умер, не дождавшись рождения своего наследника, ввиду чего последнему пришлось различными способами доказывать свое происхождение, что являлось предметом долгих пересудов; 3) конунга Инги II Бардарсона (1204–1217), племянника Сверрира, сына

этой «партии» старались не допустить, чтобы прелаты приобрели в государстве исключительную власть. Учитывая, что епископат был представлен выходцами из нобилитета, это могло привести к новому переделу влияния и собственности между стоявшими за ними родами знати, и, как следствие, — к еще одному витку гражданской войны. Кроме того, все помнили, что главы епархий Осло и Бергена получили свои кафедры фактически приказом Сверрира, а епископ Мартин Бергенский, англичанин, во всем обязанный конунгу, манкируя призывом архиепископа Эйрика немедленно явиться к нему в Лунд, сделанным тем еще в 1194 г., тянул с отъездом вплоть до 1199 г.

Анализ и переоценка содержания грамоты Хакона в контексте ее появления на свет позволяет глубже проникнуть в политические реалии конца правления Сверрира и начала нового этапа внутринорвежской смуты, который открыло его собственное краткое царствование. Помимо этого документа, а также «Саги о Сверрире» и «Саг о пососниках», корпус источников формируют «Сага о Хаконе Старом»¹³, булла папы Иннокентия III от 24 января 1204 г.¹⁴ и такое сочинение, как «Речь против епископов» (далее — РПЕ)¹⁵. Если саговые нарративы и папский документ в источниковедческом отношении в специальной характеристике не нуждаются, то на РПЕ и письме Хакона к норвежским прелатам следует остановиться отдельно.

РПЕ в интеллектуальном отношении — пожалуй, одно из наиболее выдающихся сочинений средневековой скандинавской литера-

---

его сестры Сесилии от норвежского магната Барда Гутхормссона; 4) ярла Хакона Шального (ум. 1214), другого сына той же Сесилии от шведского магната Фолкvida и соответственно единоутробного брата Инги II; 5) ярла Кнута Хаконарсона (ум. 1264), сына Хакона Шального; 6) ярла Скули Бардарсона (ум. 1240), единокровного брата Инги II, род которых по женской линии восходил к конунгу Харальду Суровому Правителю, брату Олава Святого — основателю династии христианских норвежских королей; 7) конунга Филиппа (1207–1217), зятя Сверрира — мужа их общей с Маргаритой законнорожденной дочери Кристин (ум. 1213); 8) конунга Эрлинга Каменная Стена (1204–1207), самозванца, выдвинутого пососниками в качестве якобы сына давнего противника Сверрира, первого в Скандинавии помазанного и коронованного короля Магнуса Эрлингссона (1161–1184); 9) Бене[дикта]-Магнуса (ум. 1222), монаха и самозванца, называвшего себя сыном Эрлинга Каменной Стены; 10) Сигурда Погромщика (ум. 1226), также самозванца, выданного одной из фракций пососников за сына того же самого Эрлинга Каменной Стены. Обилие претендентов показывает, что недостатка в различных группировках, за ними стоявших, в своем составе обе «партии» не испытывали.

¹³ *Hákonar saga Hákonarsonar. Bøglunga saga. Magnúss saga Lagabætis / Utg. Þorleifur Hauksson, Sverrir Jakobsson, T. Ulset. Reykjavík, 2013. (Íslenzk Fornrit, XXXI–XXXII). 2 bd.*

¹⁴ DN VI 9 — *Diplomatarium Norvegicum / Utg. C.R. Unger, H.J. Huitfeldt. Bd. VI, halvdel 1. Christiania, 1865. S. 13–14.*

¹⁵ *Holtmark A. En tale mot biskopene. En sproglig-historisk undersøkelse. Oslo, 1931 (Skrifterutgitt av Det norske vitenskapsakademi i Oslo).*

туры. Этот остро полемический по звучанию текст появился на свет в кругах, близких к Сверриру, в конце 1190-х гг.¹⁶ Кроме прямых и страшных обвинений, которые звучат от имени королевской власти в адрес епископов в том, что те уничтожили в Норвегии христианскую веру, впали в ересь, посягнули на исконные права монарха и народа, чем только раздули пожар затянувшегося внутреннего противостояния, РПЕ, написанная по-норвежски с опорой на многочисленные и приводимые в ее тексте латинские цитаты из «Декрета Грациана» и Евангелий (всего числом сорок две) и последующий их перевод на родной для автора-норвежца язык, прямо или намеком обращается и к другим темам, которые являлись злободневными как для простых жителей этой страны в целом, так и для представителей ее политической элиты, в частности.

Непосредственно в РПЕ говорится о соотношении в Норвежском королевстве светской и духовной властей; о сложившейся в нем практике поставления во епископов и священников; о покупке церковных должностей и «откупе грехов»; о цели служения своей пастве лиц, облеченных священным саном, и о неприглядном моральном облике последних; о вывозе за рубеж церковной десятины и других сборов; о распоряжении собственниками из среды мирян и самим королем имуществом культовых сооружений и землями, на которых те возводились, а также о распределении в рамках института «частной церкви» этих имений между монастырями и приходскими храмами. По касательной основные темы затрагивают не раскрываемые в РПЕ широко, но при этом весьма болезненные социальные вопросы, — изменения в личном статусе рядовых свободных норвежцев, составлявших массу общества, их имущественных и публичных прав.

Автор РПЕ структурирует свою мысль, переходя от тезы к доказательству, и последние осознаются им как безусловные и нуждающиеся в развитии, что направлено на продолжение диалога королевской власти с оппозиционным ей епископатом, а также со всем остальным обществом, что очевидно, с целью вербовки новых сторонников в свой лагерь. Открывается РПЕ описанием устройства общества наподобие единого человеческого тела, состоящего

---

¹⁶ Сохранился в единственной рукописи первой половины XIV в. (AM 114 4to), находящейся ныне в составе Арнамагнеанской коллекции в рукописном фонде библиотеки Института скандинавских исследований и языковедения (Institut for Nordiske Studier og Sprogvidenskab) Копенгагенского университета (Дания). Коллекция эта была составлена великим собирателем и исследователем древних скандинавских рукописей Арни Магнуссоном (1663–1730) и легла в основу собрания манускриптов и книг, названного в его честь (Арнамагнеанское собрание — Arnarnagmæan Samling).

из взаимно заботящихся друг о друге «сословий»-членов, на каждый из которых возложена отдельная функция. А завершается она кратким, но насыщенным фактами из прошлого «очерком о епископах-еретиках», где приведен целый ряд совершенно одиозных, на взгляд автора этого сочинения, исторических примеров отступничества лиц, носивших высокий священный сан, от истинного учения Христа и вместе с тем духовного подвига светских правителей, которые своими трудами и государственным умом не позволили утвердиться ересям, а создателям сих лжеучений — обрести власть и авторитет. Если данный «очерк» был вставлен с тем чтобы провести параллели с лидерами оппозиционной Сверриру «церковной партии», то безосновательное обвинение их в ереси только закрывало путь к диалогу, который наладить так и не удалось, а потому он был отложен на перспективу, как оказалось, весьма далекую¹⁷.

Несмотря на множество поднимаемых тем, РПЕ при этом велика по объему в сравнении с такими современными ей и пространными произведениями норвежской литературы XII столетия, как латинские «История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха¹⁸, анонимная «История похода датчан в Иерусалим»¹⁹ и тем более со знаменитой «Сагой о Сверрире». В отличие от этих текстов, где авторское мнение выражено не прямо, а растворено в описании множества событий и в характеристике персонажей, РПЕ специально посвящена главным спорным вопросам эпохи, сконцентрирована на них непосредственно, почему, собственно, данное сочинение следует считать *первым самостоятельным памятником норвежской общественно-политической мысли и публицистики*.

Что касается грамоты Хакона Сверрссона, составленной полностью по-древненорвежски, то оригинал ее не сохранился. Текст дошел в трех позднейших версиях: 1) в составе кодекса-конволюта AM 309 fol (часть, датируемая первой четвертью XIV в.) из Арнамагнанского собрания; 2) копии, сделанной Арни Магнуссоном с несохранившейся до наших дней транскрипции 1324 г., которая, как и упомянутый кодекс, хранится в Копенгагене в рукописном собрании его имени; 3) списка первой половины XVI в. в конволюте из собрания Шведской Королевской библиотеки (Стокгольм).

---

¹⁷ Здесь имеются в виду упомянутые ранее Бергенский и Тёнсбергский конкордаты.

¹⁸ Агишев С.Ю. Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях». М., 2013.

¹⁹ История похода датчан в Иерусалим // Не только саги...: ранняя история Норвегии в средневековых памятниках / Сост. и общ. ред. С.Ю. Агишев. СПб., 2017. С. 347–406.

Не дошедшая до нас копия 1324 г. хранилась в канцелярии Нида-росских архиепископов, что можно заключить из сопровождающих ее поздних протокола и эсхатокола, составленных от имени архиепископа Эйлива (1309–1332). Из них становится ясным, что норвежская церковь в лице этого своего главы лишь изучила условия, которые выдвигались более 120 лет назад и, как видно, поддерживались королевской властью и далее, но по-прежнему не соглашалась на них. В подтверждение того, что данный документ воспринимался внуком Сверрира, конунгом Хаконом Старым, как содержащий нормы позитивного права, он был заверен этим монархом своей печатью («*Да будет вам известно, что мы видели, просмотрели и тщательно изучили грамоту досточтимого господина, доброй памяти государя Хакона, сына Хакона, короля Норвегии, с привешенной его печатью, которая слово в слово свидетельствует следующее...*») и тем самым как бы авторизован им: в цитируемой приписке прямо сказано, что перед читателем — «*грамота короля Хакона Хаконарсона*»²⁰.

Причины упорной непримиримости норвежского епископата следует искать в глубоко укорененных в прошлом проблемах государственно-церковных отношений. То, что они оставались до конца не решенными и в XIV в., отчасти способствовало сохранению текстов, отсылавших к самым корням дискуссии, давно уже шедшей между королевской властью и церковью, среди которых были и сама РПЕ, и письмо Хакона Сверрессона²¹.

«Сага о Сверрире», из которой нельзя понять, в чем конкретно заключалось политическое завещание ее главного героя, подвергавшаяся редактированию на протяжении всей второй половины XIII в., не получила широкого хождения ни устно, ни письменно, таким образом, не став еще авторитетным текстом, в том числе и для Хакона Сверрессона. Поэтому этот король не мог опереться на нее, дабы на ее основе сформулировать программу собственной церковной политики. Следует вспомнить, что для его сына, Хакона Старого, это сочинение, которое тот, умирая на Оркнейских островах в декабре 1263 г., приказывал читать себе вслух, приобрело именно

---

²⁰ NgL I. S. 444.

²¹ К ним примыкают документы, появившиеся сразу после основания отдельного для Норвегии архиепископства с центром в Трондхейме-Нидаросе. Это — грамота о его учреждении и ее подтверждение, свод постановлений провинциальных синодов, известный под названием «Нидаросские каноны» (см.: *Latinske dokumenter til norsk historie fram til år 1204 / Utg. E. Vandvik. Oslo, 1959. S. 38–59*), а также различные редакции так называемого «христианского права» (*kristinréttar*) «Законов Фростатинга», составлявшиеся по отдельности под руководством видного церковного и политического деятеля, главы норвежской церкви архиепископа Эйстейна Эрлендссона (1157–1188) и самого Сверрира (NgL I. S. 129–156, 407–434).

такой характер. Дослушав данную сагу до конца, из чего можно понять, что некая завершенная и удовлетворявшая конунга ее версия уже сложилась, Хакон Старый испустил дух и, таким образом, жизнь его деда и отца, о котором там тоже рассказывается, перешла в сагу, как и жизнь самого этого короля²² — в масштабное повествование, составленное о нем исландским политическим деятелем и историком Стурлой Тордарсоном (1214–1284) по приказанию конунга Магнуса Исправителя Законов (1263–1280), сына Хакона Старого. Оно было сложено за неполные два года и завершено уже в 1265 г.

Как указывалось ранее, последнюю волю отца Хакону Сверрессону доносят *и устно, и письменно одновременно*. Это должно было послужить для потомков доказательством ее подлинности при реальном отсутствии самого документа. Значит ли это, что память вовсе не сохранила содержание политического завещания Сверрира? Его воля излагается только в «Сагах о посошниках», составной частью которых был краткий рассказ о самом Хаконе Сверрессоне, авторитетным текстом для его потомков так и не ставший. Вдобавок биография Хакона еще и потерялась там среди пространного повествования о других более удачливых, чем он, претендентах на норвежский престол. Это дает возможность предположить, что завещание Сверрира было если не подделано²³, то переосмыслено и подано там как его повеление, являясь на самом деле политической программой его сына Хакона и той фракции берестяников, которая стояла за ним.

Нужно учитывать еще один важный нюанс. В компилятивном тексте, каковым являются «Саги о посошниках», о том, что Хакон Хаконарсон был сыном Хакона Сверрессона²⁴, говорится походя,

---

²² Успенский Ф.Б. Люди, тексты и вещи. Из истории культуры средневековой Скандинавии. М., 2015. С. 96–97.

²³ Сверрир, судя по саге о нем, отличавшийся любовью к подобного рода делам, например, в отношении папских посланий, мог выступить в этом хорошим учителем для своего сына (см., например: Сага о Сверрире. С. 125–126).

²⁴ Интересна ошибка, повторенная во многих рукописях общенорвежского правового свода «Ландслова», появившегося на свет в царствование Магнуса Исправителя Законов в 1274 г. В «Прологе» к нему [Kong Magnus Hákonsson Lagabotes Landslov. Norrøn tekst med fullstendig variantapparat / Utg. M. Rindal, B.D. Spørk. Oslo, 2018. Del 1. S. 101 (Norrøne tekster, nr. 9)] Хакон Старый выводится как сын, а не внук Сверрира (скрытым намеком в «Саге о Хаконе Старом» звучит отмечаемое ее автором чрезвычайное сходство их по телосложению [Sturla Þorðarsson. Hákonar saga // Hákonar saga Hákonarsonar II. Magnúss saga Lagabætis. Bd. II. Bls. 265 (Íslenzk Fornrit, XXXII)], в силу чего Хакон Сверрессон выпадает из «рода Сверрира» и, сливаясь с сыном, как бы «забывается», чем отчасти снижается степень незаконности его происхождения и даже снимается проблема его вовсе не королевского происхождения, на что Стурла недвусмысленно намекает в самом начале своего сочинения.

только один раз, притом без приведения каких-либо доказательств. Да и делается это не в контексте биографии юного конунга, а при описании действий Дагфинна Бонда²⁵, который подлинным свидетелем реального сожительства короля с Ингой из Вартейга, матерью маленького Хакона Хаконарсона, не был. Поэтому краткая сага о Хаконе Сверрессоне в версии «Саг о посошниках» не удалась, ибо, не работая на подтверждение законности происхождения его отпрыска, представлялась, по всей видимости, неудачной во всех смыслах слова «сага» — и как история жизни, и как форма повествования о ней. В том числе по этой причине доказательства отцовства Хакона Сверрессона были включены в биографию его сына, где данная тема развивается особо и имеет принципиальное значение²⁶. «Сага о Хаконе Старом», в свою очередь, безусловно, являлась авторитетным текстом для современников и потомков ее главного героя, несмотря на все лукавство и обилие нелюбимых намеков на происхождение Сверрира и его потомков, которыми наполнил свой рассказ Стурла Тордарсон, как и все исландские магнаты из рода Стурлунгов питавший ненависть к Хакону Хаконарссону, по чьей милости он сам и его родичи утратили первенство в своей родной Исландии. Но Стурла был вынужден составлять свой труд, оказавшись фактически в заложниках у Магнуса Исправителя Законов.

Тем не менее, принятое в научной литературе допущение, что Сверрир наказал своему сыну примириться с мятежным епископатом, возникло не на пустом месте. Анализ РПЕ в контексте тех событий, в котором она появилась на свет²⁷, показывает, что это сочинение не подходило в качестве основы для примирения с церковью. Если данный замысел там и содержится, то не в виде категорично высказанной воли, а только как *общее пожелание*. Дабы *a priori* положенное согласие конунга с прелатами, которое является главным христианским принципом взаимоотношений между королевской властью и церковью, заключающееся в гармонии и синергии по аналогии с Божественной и человеческой природой Христа, и потому вождеденное всеми, было, наконец, достигнуто. Непреодолимым препятствием на пути к этому являются содержащиеся в РПЕ резкие выпады в сторону епископов, самый страшный из которых — обвинение их в том, что все они впали в ересь и уничтожили в Норвегии Христову веру.

Из предсмертных слов Сверрира, приводимых в саге о нем, можно понять, что сам он вовсе не был склонен к примирению, даже

²⁵ Саги о Посошниках. С. 298.

²⁶ *Sturla Þordarsson. Hákonar saga*. Bls. 173–174.

²⁷ См. раздел «Приложение», гл. II и VI.

если, как и все, лелеял надежду на него как на идеальное состояние вещей. Во-первых, достижение мира в стране ему виделось как реализация принципа королевского единодержавия, на котором он настаивал, обратив внимание на препятствующие этому обстоятельства: «Вы все здесь свидетели..., что не было у меня *других сыновей*, кроме Хакона, а то впоследствии, может статься, объявятся и такие, которые станут называть себя так и захотят *нарушить мир* в этой стране»²⁸. Сверрир, как видно, осознавал отсутствие какого-либо согласия не только между конунгом и прелатами, но и в рядах поддерживавших их «партий», да и во всей стране в целом. Но ни о каком новом разделе Норвегии между соправителями и ослаблении королевской власти, которое вследствие этого может случиться, он и слышать не хотел, что вполне согласуется с завершающими пассажами РПЕ: «...весьма прискорбно, что король просит о том, что ему и так принадлежит, а те почести, каковые ему положены, у него хотят отнять и лишить их»; а также: «Пусть люди помнят и знают, какие обещания или дары, если их не порушат, должны сохраняться, поскольку мудрые князья постановили, что не следует слушаться любого, кто присвоил себе королевский сан, обладая им, как будто он получил его по достоинству, а на самом деле — обманным путем. Потому что внезапно стало так, что королевская власть оказалась во всевозможных руках, но не тех людей, кому следует подчиняться» (пер. РПЕ мой. — С.А.).

Во-вторых, несмотря на осознаваемую всеми и им самим его подноготную как самозванца Сверрир не собирался отказываться от трона: «А теперь я хочу, прежде чем собороваться, чтобы меня подняли на престол, а там я буду ждать любого исхода: выздоровления или смерти. И все произойдет иначе, чем надеялся Николас епископ сын Арни: я умру здесь на троне, окруженный моими друзьями, а ведь он предрекал, что меня зарежут, как скотину, и скормят псам и воронью». Из саги следует, что последние три дня своей жизни Сверрир будто бы так и просидел, не вставая с места, на королевском престоле, который стал ему смертным одром²⁹.

В-третьих, решить все несогласия должны были не люди своими стараниями и судом, а лишь высшие силы: «Когда я умру..., откройте мое лицо, дабы и друзья мои, и недруги могли сами видеть, появится ли на моем теле какой знак в подтверждение того проклятия и отлучения, которому предали меня мои враги. Уж тогда-то мне, верно, будет не утаить его, если дела и впрямь обстоят не лучше,

---

²⁸ Сага о Сверрире. С. 182.

²⁹ Там же.

чем они говорят. За все время моего правления на мою долю выпало куда больше бед, немирья и тягот, чем спокойного житья, и, на мой взгляд, у меня было немало завистников, ставших впоследствии прямыми врагами. Теперь же да простит их всех господь и рассудит нас, а я отдаю себя на его суд!»³⁰ Сходный тезис звучит и в РПЕ: «... мы не должны страшиться, что получим от Господа несправедливые приговоры, ибо Он не выносит никаких других приговоров, кроме справедливых. И тем скорее праведный суд Его придет на помощь каждому, чем больше несправедливых приговоров будет исходить от людей».

Некоторые идеи РПЕ, как видится, будучи переосмыслены, легли в основу послания Хакона Сверрессона к норвежским епископам, в котором предлагалось не соглашение о мире с прелатами, как это принято считать, а выдвигались жесткие требования, лишь при выполнении которых разговор о нем будет возможен.

Вывод о том, что в политическом завещании Сверрира был высказан совет сыну замирииться с церковью, подкреплялся исследователями следующим содержащимся в грамоте Хакона заявлением: «Я желаю, чтобы все люди знали, что я отказываюсь от всех тех ссор и споров, что были между [нашим] королевским величеством и епископами, и подтверждаю святой церкви и духовенству все те свободы, которые они должны иметь, что указаны в священных договорах, заключенных между мной и ними, и которыми святая церковь пусть обладает отныне и довеку...», завершающимся королевским обетом: «Я дал это обещание Господу и святой церкви, чтобы оно послужило мне для мира и счастья, выгоды и помощи, а всему народу этой страны — к радости, отныне и навеки» (пер. мой. — С.А.), а также сообщением «Саг о посошниках», что «летом (1202 г. — С.А.) епископы вернулись к своим престолом и сделались друзьями конунга»³¹.

Но непременным условием того, что новый конунг откажется от противостояния с прелатами, выдвигалось признание всем духовенством страны за ним королевского сана, а также достоинства и чести, что, как сказано в его письме, «следует оказывать законному королю», которые ему полагаются «в соответствии со Священным Писанием и законами страны». Условие это было трудновыполнимым. Во-первых, ввиду отсутствия архиепископа Эйрика Иварссона и его суффраганов в Норвегии. Туда они вернутся только весной 1204 г. уже после смерти Хакона, а не летом 1202-го, что следует из тех же «Саг о посошниках», а также из «Саги о Хаконе Старом»³².

³⁰ Там же. С. 183.

³¹ Саги о Посошниках. С. 274.

³² *Sturla bordarsson. Hákonar saga*. Bls. 173–174, 181, 183.

Составители данных сочинений констатировали факт возвращения епископов в Норвегию ретроспективно, вырвав его из контекста. А во-вторых, потому что Хакон, как и его отец, находился под папским отлучением, и заключение с ним официальных договоров было невозможно. Последнее препятствие попытался преодолеть архиепископ Эйрик, самолично сняв с Хакона это церковное наказание, за что получил строгий выговор от Иннокентия III, объявившего эту акцию незаконной и оставившего действие интердикта в силе³³. В демарше Эйрика следует видеть не столько стремление к примирению, сколько средство для того, чтобы скорее вернуть себе в Норвегии угасавший авторитет как политического деятеля и главы церковной общины, который не смог самостоятельно повлиять на короля и договориться с ним о поддержании внутреннего мира, а, кроме того, оставил свою паству и способствовал как вторжениям в страну иноземцев, так и выступлениям мятежников из числа самих норвежцев.

В 1204 г. папе, очевидно, стали известны некоторые подробности событий, произошедших в Норвегии двумя годами ранее. Так, в своей булле он сообщает, что знает о смерти Сверрира, но о кончине его сына Иннокентий не ведал. О нем римский понтифик говорит как о живом человеке, а значит, посольство отправилось к папе не позднее середины ноября 1203 г., что следует считать *terminus ultimissimus ante quem* для грамоты Хакона Сверресона. Это косвенно подтверждает, что данный документ появился после продолжительных переговоров и обмена посланиями, по результатам чего и были сформулированы требования к епископам, оставшимся по-прежнему непримиримыми и не желавшими возвращаться в Норвегию. Из характеристики Хакона, данной ему папой, как наследника своего отца «в государстве, но не в образе мыслей» видно, что Иннокентию так или иначе было известно о декларации нового конунга отказаться от противостояния с церковью и соблюдать установленные для нее в Норвегии свободы, а также то, что между королем и епископами об этом вроде бы были заключены договоры. Правда, из других источников о них ничего не известно. Если только

---

³³ DN VI 9: «...мы пришли в немалое удивление, что ты, брат архиепископ, отменил решение об отлучении [от церкви] как его самого, так и присных его, которым они были связаны нашим авторитетом, необдуманно и совершенно не колеблясь, присвоив себе власть, которой у тебя не было, и ни коим образом тебе не принадлежит, и на манер обезьяны, которая подражает человеческим движениям, своей волей совершил то, чего ты делать не можешь и не должен по закону. Кроме того, из-за этого не только ты устремился разбираться в ошибках, но и те, кто ранее были связаны [отлучением], безосновательно считая, что они совершенно от него освобождены» (пер. с лат. мой. — С.А.).

не рассматривать в качестве таковых те самые письма, которыми Хакон обменивался с епископами. Однако то, как это описывается в «Сагах о посошниках»³⁴, дает понять, что в рассылаемых Хаконем посланиях содержалась отнюдь *не просьба, а требование* явиться к королю и примириться с ним, высказываемое новым конунгом в соответствии с повелением Сверрира, которое должно было звучать как пожелание, созвучное с общими чаяниями. Отзвук этого имеется и в РПЕ, ср.: «Сейчас в нашей стране немирье сие происходит из-за священников наших, которые обвиняют короля в том, что он желает уничтожить христианство. Значения всех этих вещей при переводе даются именно так, как они записаны, хотя некоторые из них изложены совсем другими словами (собственно теми, что есть в переводе), чем в латыни. А если кто-нибудь скажет, что мы привели неверное значение этих вещей, *пусть* тогда он, если пожелает, *явится к нам*, и они для него разъяснятся, когда мы разумно растолкуем их ему, ибо мы не считаем, что эти вещи могут послужить ко вражде с кем-либо (конечно, если для этого не будет существенных причин), и пускай споры после разысканий приведут к обретению самой сути».

Следовательно, Иннокентий III так или иначе основывался на положениях, имеющих в грамоте Хакона. Сам папа, хотя и не снял отлучения с нового конунга, но тем не менее, признавая это возможным впоследствии, хвалил того за готовность примириться с церковью и вернуть изгнанников в отечество. А фразой «он любит храмы и почитает людей церкви, правя этой страной и народом в совершенном мире», содержащейся в булле, римский понтифик признает его *de-facto* норвежским государем, тем самым считая возможным диалог с ним, в чем он шестью годами ранее, когда провозглашал интердикт Норвегии и отлучал от церкви ее конунга, совершенно отказал правившему на тот момент Сверриру. Папа как глава христианского мира, конечно, *должен был* способствовать предотвращению противостояния между королем и церковью и воплощению в жизнь этого *общего пожелания* всех без различия христиан в Норвегии. Но, стремясь к этому, он абсолютизировал высказывание Хакона о его готовности вернуть церкви все ее привилегии и свободы, а также придерживаться договоренностей, заключенных его предшественниками еще при основании Нидаросской церковной провинции, и тех, что были достигнуты епископатом с конунгом Магнусом Эрлингссоном (1161–1184), очевидно истолковав их как капитуляцию светской власти перед духовной.

---

³⁴ «...конунг Хакон... отправил всем епископам, которые были с конунгом Сверриром в распре, послание, чтобы они явились к нему и помирились с ним, как повелел конунг Сверрир перед своей кончиной» (Саги о Посошниках. С. 273).

Однако римский понтифик не знал действительного положения дел и расстановки сил внутри Норвегии, а также не учел условий, на которых Хакон Сверрессон был готов пойти на это примирение. Поэтому следует согласиться с автором РПЕ, который за несколько лет до этого в своем сочинении написал, что папа «...не знает, что происходит в этой стране или в другой, которая находится от него далеко, а вызвано это также нашими епископами и священниками, так как они по причине враждебности к нам несут перед папой чепуху и ложь, после чего папе кажется, что те говорят правдиво там, где они вещают обманными и лживыми словами». Так, выдавая желаемое за действительное, очевидно, принимая на веру тенденциозное изложение ситуации, что сложилась в Норвегии (о каковой ему могли доносить не напрямую оттуда, а из соседних стран — Дании, Исландии, Швеции или Англии) или попросту глубоко не вникая в нее, Иннокентий III склонялся к признанию конфликта исчерпанным. Тем более он, как говорится в его булле, был рад услышать, что «умер Сверррир и возрадовался тому великой радостью, вознося достойную благодарность всемогущему Богу, который после пасмурной погоды даровал ясную и штиль после шторма...». Как видится, в ловушку, расставленную знаменитым римским понтификом, попали и позднейшие исследователи. При этом до развязки было еще очень далеко.

В обстановке позиционной войны, изматывавшей обе стороны, существовало стремление достигнуть не общего, а тактического примирения. Хакону Сверрессону это позволило бы предпринять шаги по легитимации своей власти в Норвежском государстве, в том числе за счет демонстрации готовности к диалогу с церковью и мнимых уступок ей, а епископам — скорее вернуться к собственным кафедрам и возглавить борьбу со сторонниками покойного Сверррира непосредственно у себя на родине³⁵. Интересно, что снятие интердикта становилось козырем для обеих «партий» в их внутренней борьбе. И Хакон Сверрессон, которому его посулил Иннокентий III, вполне мог приписать это себе, если бы не коварство королевы Маргариты. Средством к достижению указанных целей и стал обоюдный обмен посланиями между молодым королем и епископами, о чем и сообщают «Саги о посошниках»³⁶. Одним из таких посланий следует считать известное нам письмо Хакона. Своевольное снятие архиепископом Эйриком отлучения от церкви только с короля и его

---

³⁵ Оно действительно было заключено в 1208 г., но в совершенно иных условиях, послужив началом для дальнейших переговоров между представителями отдельных фракций внутри враждовавших между собой «партий» посошников и берестяников (*Sturla Þorðarsson. Hákonar saga*. Bls. 183).

³⁶ Саги о Посошниках. С. 273.

немногочисленных приближенных, о чем говорится в папской булле, также служило, как видится, тактическим целям прелатов. Причем неизвестно, как оно объявлялось, — письменно, или же об этом на местах провозглашалось только изустно.

Стиль и тон письма Хакона Сверрессона не только не позволяют назвать этот документ капитуляцией, а, напротив, подчеркивают принципиальные и отличные от мнения епископов положения королевской программы, весьма сходные с теми, что высказываются в РПЕ. Даже если составитель королевского послания и не являлся одновременно ее автором, он, по мнению норвежского исследователя Э. Гюннеса, был весьма вдохновлен этим произведением³⁷: в обоих текстах обнаруживается достаточно параллелей. Справедливо предположить, что требования, содержащиеся в письме Хакона, могли быть взяты не из РПЕ напрямую, а из «грамоты об управлении государством», в которой, нужно понимать, более сжато, чем в РПЕ, излагалась воля почившего Сверрира. Остается только гадать, каковы были эти требования, подверглись ли они изменениям под влиянием политической ситуации, будучи в новой и в сугубо протокольной и неконкретной формулировке внесены в текст письма Хакона Сверрессона. Следовательно, разговор об условиях примирения был еще впереди, но так и не случился. Или же условия эти были хорошо известны обеим сторонам, а потому не нуждались в напоминаниях?

«Грамоту об управлении государством» «Сага о Сверрире» в оригинале называет *skipan ríkisins*. Слово *skipan* означает королевский указ, а также завещание и распоряжение о порядке наследования умершему. За словом *ríkisins*, стоящим в определенной форме, совершенно определенно скрывается *Норвегия, рассматриваемая как территория*, на которую распространяется власть ее конунга, ведь именно это значение имеет слово *rík* в древнескандинавском потестарном лексиконе. То есть речь идет о государстве как о материальном объекте, и пределами его являются границы публичной власти, единственным обладателем которой Сверрир желал видеть своего сына Хакона. Следовательно, «грамота об управлении государством» — не декларация о намерениях, а документ о наследовании прав на землю, которые конунг реализовывал, в том числе, путем сбора положенных ему даней — так в материальном виде конвертировалась его публичная власть, о чем постоянно рассказывают саги.

Однако носителем такой власти в Норвегии являлся не только король, но и народ, ее единственный источник, осуществляющий

³⁷ *Gunnæs E. Kongens ære. Kongemakt og kirke i "En tale mot biskopene". Oslo, 1971. S. 12, 351 (Skrifter Det kongelige Norske videnskabers selskab; Bd.1).*

свои прерогативы на публичных собраниях-тингах, включая и аккламацию нового правителя³⁸. Без нее обладание саном конунга даже при проведении ритуалов, не важно, языческих или церковных, рассматривалось как незаконное. Такое понимание обретения власти было особенно важно для Сверрира, избравшего для себя личину традиционалиста и консерватора, упирившего на то, что конунгом может быть только сын конунга, и церковь не имеет права распоряжаться ни короной, ни королевской властью как таковой.

Поэтому конунгам так важно было сделать Норвегию своим неотчуждаемым владением, одалем, обретя права на нее как на материальный объект. Интересно, что, по земскому праву, одалем являлись угодья, переданные по наследству в определенном числе поколений (не меньше четырех) свободных предков по мужской и женской линиям, но непременно используемые их владельцами, а также обязательно обнесенные оградой. Для конунга такой оградой являлись границы его власти, совпадавшие с границами государства. Для того чтобы расширить королевские имущественные права на всю страну, были предприняты законодательные меры, посредством которых лишь в 1270-е гг. удалось юридически утвердить положение, что *Норвегия есть одаль короля*³⁹.

Стремление Хакона Сверрессона подчинить ситуацию себе проявилось в том, что он, как только узнал о смерти отца, сразу же бросился выполнять его волю и, согласно «Сагам о пососшниках», уже весной 1202 г. разослал письма каждому норвежскому епископу *по отдельности*. Главе норвежской церкви архиепископу Нидаросскому Эйрику Иварссону такое послание направлено не было⁴⁰. Однако письмо Хакона адресовано сначала именно Эйрику. При этом в *in-scriptio* конунг повторно обращается и к прелатам. Но не к каждому по отдельности, а ко всем вместе: «Король Хакон шлет привет архиепископу Эйрику, а всем прочим епископам, священникам, всем бондам и всем горожанам, друзьям Господним и своим, тем, кто сию грамоту увидят или услышат, — Божий и свой» (пер. мой. — С.А.). Как видно, и *salutationes* здесь две, и епископы-суффраганы, риториче-

³⁸ Возможно, что сторонники Хакона Сверрессона от его собственного имени стремились создать беглых епископов на примирительный съезд, сделав его затем аккламационным, а затем и коронационным по примеру того же Сверрира, который в июне 1194 г. взял в заложники в Бергене трех норвежских прелатов и заставил их венчать себя на царство (Сага о Сверрире. С. 123).

³⁹ Агишев С.Ю. О соотношении понятий «одаль» и «собственность» в норвежском законодательстве XI–XIII вв. // Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2020. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 162. Сер. II: Исторические исследования, 101). С. 60–85.

⁴⁰ Саги о Пососшниках. С. 273.

чески сплачиваясь воедино с их паствой, бондами, коих в массе еще Сверрир пытался представить сохранившими верность государю, противопоставляются своему митрополиту. Данный экивок был рассчитан на то, чтобы еще больше обособить кафедральных архиереев от главы норвежской церкви, что, вероятно, должно было представить их в собственных глазах в качестве самостоятельной силы. Здесь неявно повторяется прием РПЕ, когда ее автор под местоимением «мы» (*ver* — в прямом падеже и *oss* — в косвенном) объединяет короля с оставшимися в числе его последователей представителями духовенства и весь остальной народ в одну «партию», противопоставляя их вместе взятых еретикам-епископам, а также ослепшему физически⁴¹ и, как, наверное, следует понимать, умственно и нравственно Эйрику, делая точку зрения государя на причины и последствия раздуваемого прелатами конфликта совокупным мнением всех норвежцев.

Прием, применяемый в РПЕ для внесения раскола в ряды «церковной партии», которым ее автор пользуется в единичных случаях, в тексте письма Хакона развивается и совершенствуется за счет жонглирования притяжательными местоимениями: «Господь дал мне обратиться к *Вашиим* епископам, которые пусть служат мне, чтобы приносить выгоду и удачу, стране — мир и счастье, а всему ее народу — отпущение [грехов], а всем нам — радость и пользу, отныне и навеки. <...> Обращаясь по поводу *нашего* дела к *вашиим* епископам с *моей речью*, сообщаю вам о прекращении того несогласия между [*нашим*] королевским величеством и *вашиими* епископами, от которого произошло множество великих преступлений и тягот, а также призываю всех скорее преодолеть все те трудности, которые постигли эту страну, и те разногласия, что имелись между *вами*. Поскольку эти споры и раздоры, долгое время имевшиеся между *нами*, причиняли нам множество неприятностей и великие затруднения...» (пер. мой. — С.А.).

Путем отдельного обращения подчеркивается, что Эйрик, в отличие от подчиненных ему епископов, вроде как не может служить королю для того, чему и ему самому, и народу те всё же в состоянии способствовать — прежде всего, разрешению *нашего*, т.е. *общего* для короля (а также народа) и прелатов, дела. И чуть ниже следует еще один намек: «...призываю всех скорее преодолеть все те трудности, которые постигли эту страну, и те разногласия, что имелись между *вами*» — на то, что внутри церковной «партии» существует внутренний конфликт, и король считает своим долгом предпринять шаги к

⁴¹ Оказавшись в Дании уже в 1191 г., архиепископ Эйрик потерял зрение. Этот факт также обыгрывается в РПЕ.

его прекращению, первый из которых заключается в том, чтобы просто указать на него. Пускай формально и весьма корректно епископы рассматриваются конунгом как подчиненные Эйрика (*Ваши епископы*), но это не означает, что все они действительно должны разделять его позицию. Сделано это, конечно, дабы по примеру Сверрира перетянуть часть прелатов на сторону короля⁴², превратив их, таким образом, в *наших* епископов, которые служат прежде всего государю и народу. Это лишний раз подчеркивает стремление королевской власти вбить клин в ряды прелатов, а также между ними и различными представителями духовенства, среди которых было немало тех, что держали сторону конунга, и тем самым представить положение внутри враждебной «партии» как не безоблачное, чему были все основания. Да и дальнейшее развитие мысли в грамоте Хакона дает понять, что причиной смут внутри Норвегии являются как раз разногласия, имевшиеся у епископов как между собой, так и с королем и массой его подданных, в число которых новый конунг кротостью своей желает вернуть согласных к примирению князей церкви, выступив тем самым для всех миротворцем, чем он дополнительно подчеркивает свои владельческие права, ведь кроткие наследуют землю, а смиряющиеся «будут наречены сынами Божиими».

Как и в РПЕ, в грамоте Хакона говорится, что церковь не несет единоличной ответственности за сложившуюся в Норвегии ситуацию. Бедственное состояние страны представлено в грамоте Хакона как следствие разногласий, возникших не только между королевской властью и прелатами, но как результат нестроений, которые поразили *всё общество* (еще один тезис РПЕ): «...несчастье состоит в том, что *ныне все члены изменили своей природе*, потому что каждый член отказывается выполнять свою работу и службу». В этом также следует видеть наличие несогласных между собой группировок с разными интересами, которые скрываются за ширмой «королевской» или «церковной партии». Несмотря на параллелизм, отмечаемый между РПЕ и грамотой Хакона, следует быть осторожными в выводах — о воле Сверрира утвердить примат королевской власти над духовной хорошо знали его современники, равно как и об условиях, выдвигаемых ему церковью, на которых та была готова вернуться к конструктивному диалогу.

---

⁴² Ср. «Мой совет вам, добрые господа, с умом отправлять должность, на которую поставил вас бог. Помните всегда, что это не наследство, которое вы получили от ваших отцов, а также, что если Эйрик Слепой и отнимет у вас власть, то он даст вам мало хорошего взамен, потому что у него самого ничего нет. У него сейчас не больше девяти или десяти человек, да и те на чужом содержании. Но если вы будете держаться меня, то я за вас постою. Они обещали быть верными ему и его делу» (Сага о Сверрире. С. 125).

Далее в своей грамоте Хакон Сверрессон, повторяя прием отца, к которому тот, судя по саге о нем, прибегал много раз, обращается с речью к епископам (!) — *röða till biskupanna*, — где вполне в духе РПЕ высказывает пожелание прекратить всякие споры с церковью. Но условием возвращения последней ее прав, полученных с момента основания в Норвегии архиепископства в 1152 г., в том числе и дарованных главным оппонентом Сверрира, конунгом Магнусом Эрлингссоном, и оформленных документально, становится неременное признание того, что высшая духовная власть в лице римских пап и провинциальных синодов наделила в этих документах прерогативами одновременно и короля. Он требует, «...чтобы полностью нерушимым было мое королевское величие и королевское достоинство согласно тому, что утвердил кардинал Николай, а также подтвердили и дали клятву три короля — Эйстейн, Сигурд и Инги, о чем свидетельствует грамота короля Эйстейна, и утвердили своими грамотами король Магнус и сам мой отец, что также было засвидетельствовано клятвами пред легатом Фидентием, и тогда, когда у ярла с архиепископом Эйстейном возникло разногласие относительно свобод святой церкви» (пер. мой. — С.А.)⁴³. Тем самым в грамоте Хакона обнаруживается еще один прием, широко применяемый Сверриром и известный как по саге об этом конунге, так и по РПЕ, а именно — выворачивание аргументов противников наизнанку⁴⁴ и превращение их в обоснование собственной позиции, что также сближает все три этих текста. Условием прекращения противостояния выдвигалось следующее: «...чтобы всё духовенство полностью признало мое достоинство и честь, которые следует оказывать законному королю, и каковые полагаются мне в соответствии со Священным Писанием и законами страны» (пер. мой. — С.А.). Принятое, что называется, «по умолчанию», оно как раз и не было донесено до Иннокентия III или попросту элиминировано в его булле 1204 г. Скрытым и непонятым для римского понтифика остался и тот момент, что в соответствии с норвежскими законами

---

⁴³ Ср. в РПЕ: «Это повелось еще при святом короле Олаве и происходило таким же образом вплоть до времени сыновей Харальда — Эйстейна, Сигурда и Инги. А затем, когда с разрешения [этих] королей в Норвегию прибыл паллий, и в Норвегии была основана архиепископская кафедра, в епископствах были установлены пребенды и назначены каноники, королей обязали делать дары и вклады в тот или иной храм, на который они призрят, о чем можно найти указания в Священном Писании».

⁴⁴ Он убедительно показан в исследованиях Ф.Б. Успенского, в том числе применительно к «Саге о Сверрире». См., например: *Успенский Ф.Б. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии*. М., 2001.

Хакон намеревался отстаивать права на Норвежское государство как на свой одаль.

Как видно, от дальнейшего выяснения отношений с церковью королевская власть в лице сына Сверрира вовсе не отказывалась и не отбрасывала тезисы РПЕ, а только развивала их, хотя и не радикализировала. Учитывая звучащие в последней обвинения епископов в ереси, это было весьма резонно. Тем самым понятно, что для рано скончавшегося Хакона Сверрессона только РПЕ и являлась единственным авторитетным текстом, политический и полемический потенциал которого не был исчерпан до конца. Скоротечность царствования Хакона, которое продлилось всего год, девять месяцев и двадцать два дня, попросту не дало этому конунгу возможности приобрести большой интеллектуальный багаж, который помог бы объять идейное и полемическое богатство РПЕ. Но дело не в том, что человек смертен, притом внезапно. Внимание, которое проявляли к письму Хакона Сверрессона церковные круги и столетие спустя после его написания, возможно, способствовало тому, что так или иначе не забывалась и РПЕ, где излагалась точка зрения светских властей на их взаимоотношения с церковью в Норвежском государстве. Но продолжили ли два этих текста существовать для потомков в неразрывной, взаимно обуславливающей связи, и насколько крепка и не избирательна была историческая память по отношению к РПЕ, проследить, к сожалению, невозможно. Остается констатировать, что, если интерес к РПЕ и сохранялся, то, по всей видимости, был он невелик, ибо она в отличие от грамоты Хакона, которую так или иначе учел Иннокентий III, затем подтвердил Хакон Старый и, наконец, «внимательно изучил» архиепископ Эйлив, не являлась официально признанным документом.

Отсюда РПЕ можно рассматривать, если не в качестве некоей политической программы (именно так на этот текст, проводящий идею сильной королевской власти в качестве официальной государственной идеологии, смотрит такой большой авторитет в современной норвежской медиевистике, как С. Багге⁴⁵), то, по крайней мере, как пролегомены к ней. Отношения, сложившиеся в Норвегии между королевской властью и церковью на рубеже XII–XIII вв., во всех рассмотренных текстах представляются как ненормальные — и это самое важное. Сверрир, оказавшись к концу своего правления в положении аутсайдера, как на полях сражений, так и в области ведения полемики, при этом был не готов отступить от главного — от

---

⁴⁵ Bagge S. Kong Sverre // Titlestad T., Bagge S. Roma midt imot: Kong Sverre Sigurdssons kamp mot biskopene. Oslo, 2018. S. 16.

идеи примата внутреннего и внешнего суверенитета королевской власти⁴⁶. На этот тезис, дополненный идеей о четком разделении функций и задач различных групп внутри социума, а также роли в нем церкви и монарха, об их предназначении в этом мире, нанизаны все другие обсуждаемые в РПЕ темы. Подобный же взгляд на общественное устройство отражен и в «Саге о Сверрире»⁴⁷, отчего связь двух этих произведений становится еще более очевидной. Нет ли отзвука этой программы и в грамоте Хакона Сверрессона, где говорится: «...я согласен прекратить [ссору с церковью] с тем, чтобы всё духовенство полностью признало мое достоинство и честь, которые следует оказывать законному королю, и каковые полагаются мне в соответствии со Священным Писанием и законами страны» (пер. мой. — С.А.)?

Видится, что именно это, а не безоговорочное примирение с церковью исключительно на ее условиях и являлось политическим завещанием короля Сверрира. Изложено оно было, возможно, в не дошедшей до нас так называемой «грамоте об управлении государством», которой Хакону Сверрессону Норвегия и власть над ней передавалась в качестве наследства (одаля), а сам молодой король наставлялся в том, что ему необходимо утвердить свой суверенитет над всеми общественными силами. Именно эти положения лягут в основу политики королей из «рода Сверрира» вплоть до 1319 г., когда прервется линия прямых мужских потомков его великого основателя.

References

Agishev S.Yu. *O sootnoshenii ponyatiy "odal" i "sobstvennost" v norvezhskom zakonodatel'stve XI–XIII vv.* [On the Correlation of the Concepts of Odal and Property in the Norwegian Legislation from the 11th through the 13th Centuries] // *Kontsept-yavleniye "sobstvennost" v obshchestvennoy strukture zapadnoyevropeyskogo Srednevekov'ya* [Concept and Phenomenon of Property in the Social Structure of the Western European Middle Ages] / Ed. by N.A. Khachatryan / *Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University]. Issue 162. Series II. Istoricheskiye issledovaniya. N 101. Saint Petersburg: Aleteia, 2020. P. 60–85.

---

⁴⁶ Сходную позицию занимает и Т. Титлестад, говоря о том, что нигде, как в РПЕ, в том числе и в сагах, не была так ясно выражена идея норвежского суверенитета (*Titlestad T. Roma midt imot. Kong Sverre Sigurdssons kamp mot pavekirken* // *Ibid.* S. 33).

⁴⁷ «Воины должны быть в мирное время, как ягнята, а в немирье — свирепы, как львы. Купцы и бонды тоже должны следовать своему естеству, наживать добро правдой и трудом, беречь его с умом, а давать со щедростью. А меньшие люди должны быть благодарны и служить тем, кто поставлен над ними, с доброй волей и по мере своих сил» (Сага о Сверрире. С. 105).

Agishev S.Yu. *Teodorik Monakh i yego "Istoriya o drevnikh norvezhskikh kolyakh"* [Theodoric the Monk and his *Ancient History of the Norwegian Kings*]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2013. 671 p.

Bagge S. *Den heroiske tid- kirkereform og kirkekamp // Ecclesia Nidrosiensis: Søkelys på Nidaroskirkens og Nidarosprovinsens historie* / Red. S. Imsen. Trondheim: Tapir akademisk forlag, 2003. S. 51–82. (Senter for middelalder studier, NTNU, Skriftet Nr. 15).

Bugge A. *Tidsrummet 1103–1319*. Kristiania: Aschehoug & Co (W. Nygaard), 1916. 395 s. (Norges historie fremstillet for det norske folk. Bd. II.2).

Gunnes E. *Kongens ære. Kongemakt og kirke i "En tale mot biskopene"*. Oslo: Gyldendal, 1971. 395 s. (Skrifter Det kongelige Norske videnskabers selskab. Bd. 1).

Helle K. *Borgerkrigenes siste fase*. Oslo: H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard), 1995. 240 s. (Aschehougs Norgeshistorie. Bd. 3).

Helle K. *Norge blir en stat 1130–1319*. Oslo: Universitetsforlaget, 1964. 211 s. (Handbok i Norges historie. Bd. I. Del 3. Scandinavian University Books).

Holtsmark A. *En tale mot biskopene. En sproglig-historisk undersøkelse*. Oslo: Fritjof Nansens Fond, 1931. 67 s. (Skrifter utgitt av Det norske vitenskapsakademi i Oslo).

Krag C. *Sverre — Norges største middelalderkonge*. Oslo: Aschehoug, 2005. 289 s. *Medieval and Modern Civil Wars: A Comparative Perspective* / Ed. by Jón Viðar Sigurðsson, H.J. Orning. Boston: BRILL, 2021. 316 p. (The History of Warfare. Vol. 135).

Munch P.A. *Det norske Folks Historie*. Bd. VII. Oslo: Blix Forlag, 1943. 541 s. (Serie C: Norske historikere. Nr. 7).

Ne tol'ko sagi...: rannyya istoriya Norvegii v srednekovykh pamyatnikakh [Not Just Sagas...: Early Norwegian History in Medieval Texts] / Comp. and ed. by S.Yu. Agishev. Saint Petersburg: Nauka, 2017. 469 p.

Paasche F. *Kong Sverre*. Kristiania: H. Aschehoug & Co (W. Nygaard), 1920. 303 s. Sars J.E. *Udsigt over den norske historie*. D. 2. Christiania: Cammermeyer, 1877. 400 s.

Titlestad T., Bagge S. *Roma midt imot: Kong Sverre Sigurdssons kamp mot biskopene*. Oslo: Saga Bok, 2018. 70 s.

Uspenskiy F.B. *Imya i vlast': vybor imeni kak instrument dinasticheskoy bor'by v srednekovoy Skandinavii* [Name and Power: Name Choice as an Instrument of Dynastic Struggle in Medieval Scandinavia]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2001. 160 p.

Uspenskiy F.B. *Lyudi, teksty i veshchi. Iz istorii kul'tury srednekovoy Skandinavii* [People, Texts and Things. From the Cultural History of Medieval Scandinavia]. Moscow: FORUM; NEOLIT, 2015. 256 p.

Поступила в редакцию
16 марта 2023 г.